

Игумен ФИЛИПП (Перцев)

Каждый день их был полностью посвящен Богу

Тридцать лет назад, 18 апреля 1993 года, на Пасху в Оптиной пустыни были убиты трое насельников обители — иеромонах Василий (Росляков) и иноки Ферапонт (Пушкарев) и Трофим (Татарников). Эта трагедия стала потрясением для всей страны, где только началось возрождение церковной жизни. Восемнадцатого апреля в Оптиной пустыни особо торжественный день, который собирает множество людей почтить память убиенных братьев. Над местом их погребения на монастырском кладбище установлена часовня.

О том, какими были эти монахи, чем они запомнились братии, «Журналу Московской Патриархии» рассказал игумен Филипп (Перцев).

— *Отец Филипп, вы собираете материалы для возможной канонизации убиенных братий. Почему вы взялись за этот труд?*

— Все трое были для меня близкими людьми. Очень важно, чтобы сбором свидетельств, обработкой и дальнейшим написанием их житий занимался человек, который был знаком с братьями.

Все знают книгу Нины Павловой «Красная Пасха», из которой очень многие узнали об убиенных братиях, а некоторые после прочтения даже приняли монашеский постриг и стали насельниками нашей обители. Конечно не все в ней объективно, много сентиментальных моментов, какие-то предположения автора не всегда верны. Но главное, Нине Александровне, как профессиональному и очень талантливому журналисту, удалось создать правдивые образы убиенных братий.

— *Нина Павлова пишет в своей книге, что самым «закрытым» из братий был отец Феррапонт. Вам удалось найти с ним контакт и близко общаться?*

— Отец Феррапонт нес послушание столяра. Я — иконописца. Он вырезал параманные кресты, а для нас делал иконные доски, поэтому я частенько заходил в его столярную мастерскую, находившуюся на первом этаже Паромной башни. Потом и сам с его разрешения приходил постоярничать, делал аналой, полочки для иконописной мастерской. И когда мы работали вместе, иногда завязывался немногословный разговор. При всей его молчаливости, он был очень живым, искренним человеком. Хотя он был весь сосредоточен на молитвенном делании и от этого казался замкнутым, но если с кем-то находил контакт, то неожиданно раскрывался, по-дружески приоткрывая свою тонкую деликатную душу.

Помню, в день памяти преподобного Симеона Столпника во время трапезы читали его житие. И после окончания трапезы отец Феррапонт подошел к аналою, и я тоже подошел, мне захотелось какой-то эпизод из жития перечитать. Он открыл книгу и говорит: «Пойдем перечитаем еще раз. Какие люди были!» И мы пошли ко мне в келью, еще раз прочли житие. Отец Феррапонт постоянно прерывал чтение: «Как это можно так подвизаться?! Какая любовь к Богу!» Нас в один день постригли в иночество — на

Покров в 1992 году. У меня тогда была неразумная ревность. Мне казалось, что после пострига я должен всю ночь простоять (слышал, что один монах так простоял). Нас, по обычаю, оставили в храме, и где-то в середине ночи отец Феррапонт шепнул мне: «Богу нужно наше сердце, а не ноги». Я сел и стал более сосредоточенно молиться, потому что к тому времени действительно больше думал о ногах.

Как только звонил колокол, он тут же бросал все свои дела — откладывал рубанок, смахивал с рук стружки, снимал фартук и уже всей своей мыслью был в храме. Я трудился рядом. Говорю: «Будничная служба, я еще поработаю». — «У тебя не столько грехов, сколько у меня, я не могу службу пропускать». Тогда это казалось довольно странным, монастырь восстанавливался из руин, и у нас было правило приходиться на вечернюю службу за полчаса до окончания. Но у инока Феррапонта была своя, трудно понимаемая остальными сильнейшая брань с бесами, сильнейшее противостояние, которое усиливалось с каждым годом. Помню, столкнулся с ним лицом к лицу незадолго до Пасхи, о чем-то спросил, но, внимательно взглянув на его лицо, понял, что передо мной человек уже совершенно другого мира. У меня было впечатление, что это

Инок Трофим и Феррапонт на звоннице

*Звонница — место
убиения братьев,
1991 г.*

аскет, перенесшийся из древних времен. Позднее его сокелейник рассказал, что последний пост отец Ферапонт практически не спал, он всю ночь плел четки, а когда начинал дремать, вставал и делал бесчисленные земные поклоны.

— *Об отце Василии при жизни говорили, что он будущий оптинский старец.*

— Я тоже в этом был уверен. У нас два брата шли прямой дорогой к старчеству: схиигумен Гавриил (Виноградов), рано почивший от болезни, и отец Василий. Их духовное преуспевание многие видели. Но это Промысл Божий, мы могли только предполагать.

— *Каким отец Василий был в общении с братьями?*

— Как и отец Ферапонт, отец Василий тоже старательно убегал праздного общения. После службы он задерживался в алтаре или сразу убегал в келью, не оставался ни для каких разговоров. В 1990-е годы в обители проводились общие братские послушания: все вместе выходили часа на два поработать. Иногда шли на подсобное хозяйство — перебрать картошку, лук, полить капусту. Так вот, отец Василий всегда садился перебирать картошку метрах в пяти от всех братьев. А при таком труде есть возможность пообщаться. Вера только начи-

нала возвращаться к людям, хотелось узнавать о христианстве больше и глубже, а церковных книг практически не было. Люди что-то из своей жизни вспоминали, связанное с верой. Но отец Василий избегал даже этого общения, потому что оно все равно иногда переходило в какой-то смех и празднословие. У него же была такая сильная устремленность к Богу, которая не позволяла ему отвлекаться от главного, от полного погружения в молитву и богомыслие. Это особое таинство, внутреннее предстояние души в трепете, и разрушить его, действительно, может даже одно слово другого духа.

— *Отец Василий был иеромонахом, священником. Каким он был пастырем?*

— В проповедях отца Василия очень ярко выражалась его душа. Даже такой блистательный проповедник, как архимандрит Евлогий (Смирнов), первый наместник возрождающейся Оптиной пустыни, говорил о проповедях отца Василия: «Я хотел, чтобы они никогда не кончались».

Отец Василий очень любил богослужение, буквально впитывал службу всем своим существом. В его проповедях очень часто звучали строки из стихир, ирмосов, канонов. Он глубоко вчитывался в богослужебные тексты.

Оставаясь в алтаре, часто сидел и перечитывал Минеи, Октоих. Он убегал от других людей не потому, что он их не любил, но, говоря словами преподобного Арсения Великого, он больше любил Бога. Бог стал для него всем, а люди рассивали, уводили в сторону. Это совершенно другой уровень богообщения. И, видимо, от этого в нем чувствовалось нечто величественное, как будто он носитель какой-то удивительной тайны, будто он какого-то таинственного рода царского. Хотя, когда требовалось, конечно, он общался. Он же исповедовал и делал это тоже исключительно внимательно, милостиво. Я ходил к нему на исповедь, избрал своим духовником. Хотел, как раз на Пасху, поговорить с ним, чтобы и с его стороны получить согласие быть моим духовником.

При всей его одаренности и углубленности в богомыслие, в чтение святых отцов, при всем осознании своих талантов, в нем абсолютно не было и доли превозношения над ближними, ни капли высокомерия. Я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил о смирении, но все его поведение, все его ответы всегда были проникнуты духом смирения.

— Про отца Трофима рассказывают, что он был неимоверной силы богатырь с открытой душой.

— С отцом Трофимом мы близко общались, поскольку вместе были на послушании. Он был старшим пономарем, я его помощником. Этот человек действительно обладал огромной физической силой. Бывало, рабочие стучат молотком по согнутому тракторному

«пальцу», которым соединяются гусеницы, пытаясь его выпрямить. А отец Трофим проходит мимо: «Ребят, да чего вы мучаетесь?» Раз — и разогнул его двумя руками. Он много физически трудился в миру: ходил на рыболовецком траулере, был сапожником, кузнецом и много еще кем. Но сила его рук была не более поразительна, чем сила его характера, его доброта. Именно исключительной жертвенной добротой он очень резко выделялся. Некоторые говорили: «Ну, Трофим, какой ты монах? Монаху положено ходить глаза вниз, медленно, степенно, четки в руке, а тут...» Когда он выходил из храма, он головой сразу начинал крутить на 180 градусов — туда-сюда смотрит. И походка легкая, стремительная — казалось, он почти бежит, словно летит. Поведение, которое на первый взгляд говорит о некоторой внутренней несобранности. На самом деле это происходило не потому, что он был не сосредоточен на молитве, на богомыслии, а потому, что искал, кому помочь. У него такая исключительная жажда добродетели была. И при этом — внутренняя собранность, которой у людей праздных не найти.

Еще одна важная его черта — это глубинное целомудрие, которое многие не понимали. Он рос в семье с младшими сестрами, привык заботиться о них и оберегать. Ему дадут задание пахать на тракторе, а он по дороге на оптинские поля, куда дорога пролегает через Козельск, обязательно заедет к двум-трем бабушкам и распашет огороды. Это тоже выбивалось из обычных правил. Но отец Трофим не только

*Убиенные
оптинские братия*

*Иеромонах Василий
1992 г. (слева)*

*Инок Трофим
1992 г. (в центре)*

*Инок Феропонт
(справа)*

*Братия Оптиной
пустыни.
Иеродиакон
Василий стоит
во втором ряду,
третий справа.
Пасха 15 апреля
1990 г.*

послушание во главу угла ставил, а именно доброделание. И когда были похороны убиенных наших братьев, то собралось много козельских бабушек, которые любили отца Трофима, и его гибель стала для них большим горем. Для них он был ярчайшим олицетворением верующего человека, монаха.

— Что вам еще вспоминается из примеров деятельной любви отца Трофима к людям?

— У него прямо дар был такой — оказываться там, где беда, где его помощь нужна. Все давно по кельям сидят, а Трофим все ходит по монастырю. В 1991 году в Оптиной несколько месяцев жила журналист Елена Коршунова, она на послушании мыла полы в храме. Тогда, в начале 1990-х, была страшная нищета, и случалось, что воровали одежду. Она убирается после службы, положила свое пальто на подоконник, а его и утащили. В Оптиной тем, у кого своей одежды не было, выдавали на складе телогрейки или шинели. И вот она получила взамен украденного телогрейку, но через несколько дней и ее украли. Мимо шел отец Трофим: «Что случилось? Ты чего такая грустная?» Она ему рассказала. Он принес ей свою телогрейку. Она обрадовалась. Но через

две недели и ее утащили. Трофим снова рядом: «Вот, Трофимушка, и твою телогрейку украли». — «Слушай, у меня еще есть пальто. Ты до гостиницы сегодня как-нибудь добежишь, а завтра утром я тебе его принесу». За ночь он перешил пуговицы с мужской стороны на женскую, зашил старые петли, прорезал новые и обметал их. Казалось бы, какая ей разница, на какой стороне пуговицы, когда она в фуфайке только что ходила. Но он настолько был внимателен, что понимал: для девушки это может быть важно.

У меня с ним связан еще один случай. Он заведовал инструментальным складом. Иконописцам дали новую мастерскую, и ее надо было оборудовать, поскольку в ней не было ни столов, ни полок. Я выписал неструганные доски, взял на складе рубанок, который за две недели работы основательно затупил. Мне нечем было его лезвие заточить, и я с виноватым видом пришел к Трофиму. Обычный человек, услышав о проблеме, которую ему надо решить, если и не укорит, то станет сосредоточенным, станет обдумывать, что делать. Но Трофим просто взорвался радостью: «Так я ж его за-а-точу!» Он так и искал случая сделать добро брату,

а тут подвернулась возможность, и от этого он буквально ликовал. Меня это потрясло, и до сих пор эта сцена у меня перед глазами.

— *Что объединяло всех троих братьев? Возможно, была какая-то у них общая черта.*

— У них было внутренне восхищение Божественным чудом, жизнью подвижников. Когда Трофим воцерковлялся, то вместе с ним жили разные трудники, а из них кто семинарию окончил, кто был из семьи священников, более образованные и начитанные. Так он их вечером постоянно забрасывал вопросами о жизни кого-то из святых, по церковному Уставу. И они уже отмахивались от него: «Да хватит уже, дай поспать!»

Надо сказать, он менялся прямо на глазах. Из крайне добродушного, но во многом наивного простака становясь подвижником с удивительной глубиной рассуждения и какого-то внутреннего знания сути вещей.

Мы с ним вместе пономарили и как-то на праздник украшали выносные свечи лентами и цветами. Я, как художник, постарался красивый букетик составить и показываю отцу Трофиму. А он в ответ: «Меня это уже не привлекает. Это внешняя красота. Мне совсем другое надо». Помню, меня это тогда поразило, поскольку говорил он очень серьезно. Он всегда ценил красоту, стремился все украсить с осо-

бым изяществом. Перед Пасхой даже веревки колоколов украшал, заплетая в них красные ленты, как в косы, подсвечники своими руками делал. Большой был мастер все руками делать. А тут вдруг говорит, что внешняя красота уже не привлекает. И в этом не было показухи, а говорило о его глубинном переосмыслении жизни.

Ночами он много молился. Ходил все время с красными глазами; видно, что не спал или спал очень мало. Бабушки его просили: «Трофимушка, дорогой, помолись, у меня сын пьет...» А он только: «Принеси мне свечей, я буду за него ночью молиться».

Как-то я посетовал, что проспал полунощницу: проснулся вроде раньше, а потом решил еще немного прилечь. А он отвечает: «Знаешь, как можно поспать пятнадцать минут? Встаешь на колени у кровати, руки скрещиваешь и кладешь на них голову и засыпаешь. Долго в таком положении не проспишь, поскольку руки затекают, и ты волей-неволей все равно проснешься. Вроде немного сна, а оказывается, уже достаточно». Отец Сергей (Рыбко) с ним жил в соседней келье и рассказывал, что Трофим, во сколько бы ни приехал с полей, все равно правило свое ночью читал. «Слышу, бурчит через стенку, хотя весь день пахал на тракторе».

— *Жизнь этих братьев была недолгой, они прожили в обители всего несколько лет. К то-*

*Иеромонах
Василий проводит
экскурсию. Весна
1993 г.*

*Иеромонах Василий
служит литию
на монастырском
кладбище*

му же она была по-монашески тайной, а их подвиг — сокрытым от людей. Как нам сегодня приблизиться к пониманию этого?

— Это возможно через молитву. Но, действительно, даже некоторые из братии монастыря, кто не застал убиенных, а на сегодня уже сами имеют большой опыт подвижнической жизни, иногда начинают говорить: «Они были обычные, такие, как все». В Оптиной пустыни очень хорошая братия и много людей ревностных, которые нелицемерно служат Богу. Они смотрят вокруг себя и видят братьев, которые блистают какими-то добродетелями. И говорят: «Да, они были обычными». Для монастыря это «обычно», для Оптиной пустыни — «обычно». С ними можно согласиться: да, во многом такие же, как и другие в братии. И в то же время — необычные! Каждого из них что-то резко выделяло, и всех троих отличала абсолютно полная посвященность себя Богу. В монастыре, несмотря на то что многие подвизаются, кто-то позволяет себе посмеяться, пошутить, кто-то любит многословие и так далее. Какие-то немощи, которые показывают, что всецелого напряжения души мало кто может понести. Мы имеем какие-то страсти, в чем-то себя оправдываем.

А у этих братьев к Пасхе 1993 года сложилась удивительная цельность монашеского подвига, всецелость посвящения себя Богу. Они все устремление своей души свели в одну точку, сделали свое сердце подобным линзе, проходя через которую луч благодати расплавил оболочку бытия.

Действительно, многие насельники проявляют различные добродетели, но до смерти мы не можем сказать, какова цена этого подвига. Это знает один Господь. Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет, что у христианских добродетелей сложная природа, они все переплетаются со страстями, с тщеславием. Много может оказаться только внешним, делаться напоказ, не соответствовать внутреннему расположению сердца. Кончина многое выявляет. Можно сказать, внутренняя суть окружающих нас людей записана некоторыми знаками. Мы пришли в монастырь, чтобы эти иероглифы изучать. Допустим, мы видим, что один брат нестяжательный, потому что в келье у него одна кровать, полка с книгами и вешалка с одеждой. И эта нестяжательность дается не без труда. Но по-настоящему понять, что за этой добродетелью стоит, мы не можем до его кончины. Смерть

многое открывает и выявляет. После кончины люди собираются, начинают рассказывать, как этот человек поучаствовал в их жизни, что он для них сделал. И получается соборное мнение, и ты можешь уже более точно оценить ту или иную черту почившего. Иероглиф раскрывает тайну всех своих линий. Такой соборный суд об убиенных братьях уже произошел, ведь и кончины их Господь сподобил исключительной. Конечно, им были присущи многие черты людей того времени, но было много и совершенно удивительного. Никто из братии не знал при жизни отца Василия, что он пишет стихи, церковные стихиры к праздникам. Открытие его дневника после кончины показало всю глубину богомыслия этого человека. Для него даже тем других не существовало, только глубинный плач о Боге и о своем несовершенстве. В его проповедях это уже ярко звучало, но во всей полноте выявилось только после его кончины.

То же самое можно сказать и об отце Трофиме. Иногда некоторые блюстители чисто внешней правильности его осуждали. А после кончины многие стали рассказывать о его удивительной жертвенной любви, и его образ стал раскрываться во всей полноте. Жизнь — это

тайна. В монастыре не принято расспрашивать о прошлом. Пришел человек в монастырь. Зачем его спрашивать, где он учился, чем занимался? Я исповедовался у отца Василия, но не знал, что он был известным спортсменом, капитаном сборной МГУ по водному поло, членом сборной СССР. Что он учился в МГУ на факультете журналистики. Да очень многого про него не знал. Личность его меня пленила: как он себя вел, как исповедовал, я заслушивался его проповедями. Мне захотелось быть рядом с этим человеком, у него учиться, ему подражать. Тогда было очень много достойных священников в Оптиной, я выбрал именно его. Стремился именно к нему попасть на исповедь.

— Вы говорите, что эти три убиенных монаха олицетворяли собой три пути монашества.

— Господь поставил на светильник этих трех братьев, выбрал их за полную посвященность Богу, за удивительную ревность. Каждый день их горел Богу и словно без остатка сжигал себя на этом жертвеннике. Это трудно выразить словами, но я это чувствовал тогда. Хотя они прожили в монастыре кто три, кто пять лет, для монашества это совсем малый срок, но весной

Инок Трофим на звоннице (слева)

Келья отца Василия (справа)

*Погребение
убиенных
братий. Кадит
архимандрит
Венедикт. 1993 г.
(вверху)*

*Могилы отца
Василия, отца
Трофима и отца
Ферапонта на
монастырском
кладбище.
(внизу)*

1993-го они вошли в полноту меры, доступной человеку их возраста, их времени. Господь поставил Оптиной пустыни, а может быть, и всей Церкви как пример эти три судьбы, три пути. Каждый из них имел ярко выраженную добродетель, свой характер, свой темперамент. Господь показал: можешь ты этим путем идти — иди, не можешь — выбери другой. Или путем доброделания, деятельной любви, как отец Трофим. Или же путем аскетической собранности

и полнейшего посвящения себя только молитве, как отец Ферапонт. Путь отца Василия — это нечто среднее, «царский путь»: углубление в смыслы богослужения, в смыслы святых отцов. И это чувствовалось в его проповедях. На его проповедях плакали мужчины. Сам плачешь, вытираешь слезы, и смотришь — рядом с тобой стоят мужички и тоже кулаком трут глаза. Когда плачут женщины на проповеди, это более привычно. У Церкви много смыслов, которые вызывают умиление. Но отец Василий своими проповедями пробивал даже мужиков.

Он был пастырем, обладал даром слова, вдумывался в слова, подбирая нужные. Его друзья по университету, по сборной рассказывали, что, когда он пришел к вере, очень любил с ними поговорить, что-то рассказать о Боге, о христианстве, всегда выбирая интересные темы, которые не оставляли равнодушным, могли «зацепить». Он умел выделить главное, что всем было интересно. Но потом все больше и больше искал уединения, стал говорить очень кратко, по необходимости потому, что истинность слова выявляется истинностью жизни.

— Рассказывают, что накануне их гибели было немало предзнаменований неминуемой беды.

— Вся Страстная неделя была проникнута какими-то знаками. Я сам понимал, что происходят такие события, которые о чем-то говорят, просто ты не можешь прочитать их смысл. Постоянно вставали вопросы, перед которыми ты останавливался в недоумении. Кому-то может показаться это мелочами, несущественным. В алтаре в ту неделю пять человек порезались, и я в том числе, очищая свечу от воска. Это исключительный случай, такое бывает очень редко. У всех было ощущение, что это какое-то знамение и что-то должно случиться, но что — мы, конечно, не понимали. Когда другой пономарь перевязывал мне руку, у меня вырвались слова: «...и удобренна бысть земля их кровьюми». Сказал и тут же про себя подумал: а ведь в Псалтири не «удобренна», а «убиенна бысть земля их кровьюми» (Пс. 105, 38). Говорится о грешниках, кровь которых «убивает» землю. Потом уже стало ясно, что земля была именно удобрена кровью этих закланных агнцев-праведников.

Помню, в Великий Четверг отец Василий проводил перед Божественной литургией об-

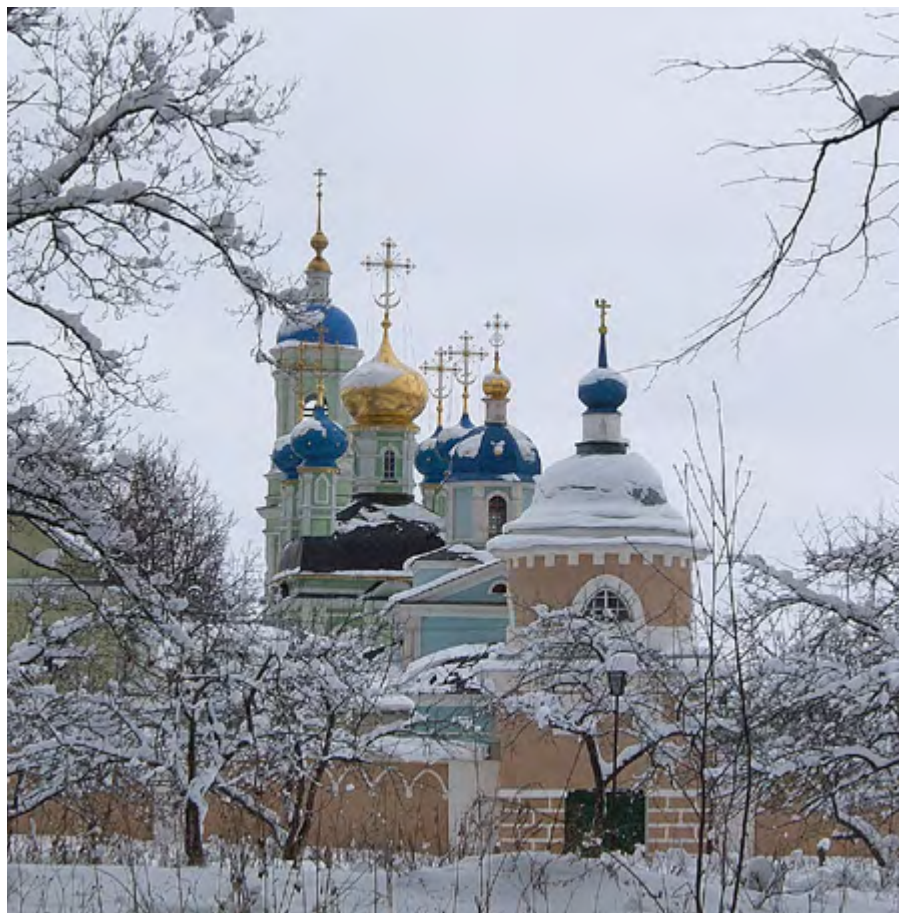
щую исповедь и вместо перечисления грехов говорил проповедь. А я в это время пономарил, бегал из алтаря с ведрами, что-то выносил, прибирался. Мне было жалко, что я не мог послушать ее, поскольку надо было успеть подготовить все к службе. И все-таки я остановился на пару минут послушать. В этот момент он говорил, что священники, если имеют дерзновение и берут на себя грехи других людей, вымаливая их у Бога, очень тяжело умирают. Это дерзновение имел сам отец Василий. И я тогда подумал: «Ах, как же трудно будешь ты умирать, отец!» Пономарили мы вместе с отцом Трофимом. Заходит речь о ближайшем будущем, а он вдруг как скажет: «Еще неизвестно, буду ли я после Пасхи жив» или «Я, пожалуй, дальше Пасхи не проживу». Ответы на эти вопросы вскоре и были даны.

Кончилась ночная служба, все разошлись по кельям. А звонари договорились прийти благовествовать Пасху. Некоторые из них неожиданно для самих себя заснули, и лишь иноки Трофим и Ферапонт пришли в шестом часу утра звонить. Там их со спины и поразило оружие убийцы. Они скончались быстро. После этого убийца побежал и встретил идущего на исповедь иеромонаха Василия, пронзил своим страшным орудием и его.

Божий Промысл судил, что мы вдвоем с отцом Георгием прибежали к лежащему около Скитской башни отцу Василию, где его нашли женщины. Он был жив, и еще непонятно было, какая рана: он лежал бледный, без сознания, кругом разбрызгана кровь по земле, и неясно, что произошло. Не раздумывая, мы понесли его почему-то в Введенский собор, а не в медпункт. Положили его на откуда-то взявшийся матрас около раки преподобного Амвросия, который явился ему в алтаре за несколько дней до этой окропленной кровью Пасхи. Отец Василий умирал долго.

— *Трагедия в Оптиной пустыни произошла в 1993 году, когда шло возрождение церковной жизни в стране. Многих людей это всколыхнуло, заставило поменять жизнь.*

— Потому, что трагедию Господь обратил в торжество веры. Многие пришли в монастырь, прочитав «Красную Пасху», желая подражать братьям, желая приобщиться к их подвигу. Ведь это поразительно: братья, ко-

торые рядом с нами живут, вдруг становятся мучениками. И ты живешь дальше с опытом переживания этой победы над смертью.

Первые часы невозможно было это воспринять как мученичество. Страшная трагедия убийства заслонила собой все. Не было страха, паники, но состояние шока: братья, которые только что были рядом с тобой, только что причащались, которых ты любил, лежат мертвые, и ты видишь их тела, кругом кровь. Но потом Господь стал открывать истинную суть, трагическое оставалось, но через страшный оскал смерти стала чувствоваться обильная благодать, которая исходит от их тел. Рядом с их гробами слез не было, потому, что все переполняла радость, но совершенно особая, без малейшего оттенка веселия, такое удивительное торжество сквозь скорбь. Стоишь рядом и всем сердцем впитываешь в себя эту радость. Ты потерял очень близких тебе людей, но приобрел ходатаев на небе, которые уже там, с Победителем смерти, с великим дерзновением воспевают: «Христос Воскрес!»

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА